

ББК 87.217

В.А. Ельчанинов

Культурно-адаптационная функция исторического сознания

V.A. Elchaninov

Culturally-Adaptable Function of Historical Consciousness

Статья посвящена обсуждению одной из многочисленных функций исторического сознания, а именно культурно-адаптационной. Автор отстаивает точку зрения о том, что содержание культурных ценностей внутренне присуще всему историческому сознанию.

Ключевые слова: культура, ценности, адаптация, сознание, информация, технология, смысл бытия, идентичность.

Содержание вышеобозначенной темы было инициировано почти одноименной статьей молодого ученого-философа Л.А. Гревцовой в научном сборнике «Философские дескрипты», опубликованном в 2009 г. в Барнауле. Присоединяясь к нашим утверждениям о том, что историческое сознание носит полифункциональный характер, она сумела убедительно показать, что его общая картина нуждается в существенном дополнении в виде функции социальной адаптации, без которой никакое общество не может существовать. Особенно это касается современной социальной действительности.

Как известно, адаптация (букв. – приспособление) необходима каждому индивиду и коллективу для нормальной жизнедеятельности общества в любой его форме существования. Каждый социальный элемент, внедряясь в то или иное сообщество, вынужден осваивать и перенимать всю систему его ценностей как материального, так и духовного порядка, или, иначе говоря, всю систему новых культурных ценностей. При этом, понимая ущербность одностороннего подхода, мы просим помнить, что и новые элементы привносятся в господствующую культуру что-то свое, эксклюзивное и неповторимое, обогащая тем самым общее культурное содержание.

Введением в оборот понятия «культура» мы ставим себя в чрезвычайно трудное положение, поскольку однозначного определения данного термина фактически не существует. Современная культуроведческая наука насчитывает не менее 450 различных ее определений. Появление этого термина обязано Античности, правда, тогда оно имело несколько иное смысловое значение, поскольку связывалось с деятельностью людей, направленной на обработ-

The article refers to the discussion of one of the numerous functions of the historical consciousness that is to culturally-adaptable function. The author defends the point of view that the content of cultural values has inner inherence to the whole historical consciousness.

Key words: culture, values, adaptation, consciousness, information technology, meaning of life, identity.

ку и уход за землей с целью сделать ее пригодной для использования.

Однако с течением времени, как это часто бывает в лингвистике, его реальный смысл существенно изменился и наполнился новым содержанием. Не ставя перед собой задачи подробного описания основных этапов изменения его смысловых значений (это дело лингвистов), мы лишь отметим, что в современных условиях под «культурой» подразумевают специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, выражаемый в результатах материального и духовного труда, а также в системе социальных учреждений норм и ценностей, в совокупности отношений людей к природе, к людскому сообществу и друг к другу.

Лишь мимоходом касаясь структурной организации культуры, мы можем зафиксировать наличие различных, нередко противоречащих друг другу самостоятельных сфер, таких как нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды и людских поселений, постановку воспитания и образования, формы управления обществом, а также все формы проявления, говоря гегелевским языком, «объективного» духа (право, наука, искусство, мораль, религия и т.п.).

В конце XIX и начале XX в. выявились попытки отождествить понятия «культура» и «цивилизация», что, по нашему мнению, делать нельзя, поскольку между ними имеются существенные различия. Они состоят в том, что культура – это выражение и результат самоопределения воли народа или индивида (культурный человек), в то время как цивилизация до сих пор обозначает определенный уровень или ступень общественного развития (в марксизме – ступень общественного развития, следующая за варварством;

у Н.Я. Данилевского – это фундаментальная социально-историческая категория для построения историко-философской концепции, трактующей исторический процесс как смену общественных цивилизаций).

Данное нами выше определение понятия «культура» в какой-то степени перекликается с тем ее трактованием, которое было дано авторитетным знатоком культуры Г. Н. Волковым в его книге «Три лика культуры», изданной еще в тоталитарное время, (в 1986 г.) в Москве. «Культура – это то созданное и накопленное человечеством богатство (материальное и духовное), которое служит дальнейшему развитию (культурированию!), приумножению создаваемых, творческих возможностей, способностей общества и личности или, иначе говоря, экономическому, социальному, политическому прогрессу» [1, с. 5]. И чуть ниже он посчитал необходимым добавить: «В узком смысле под культурой обычно подразумевается духовная культура», состоящая из интеллектуального, нравственного и эстетического потенциалов, из которых вычленились, еще начиная с древности, три ее ипостаси: Истина, Добро и Красота, о которых он и вел разговор в своей вышеобозначенной работе. Причем, как показала длительная история их развития, они оказываются неразрывно связанными и зависимыми друг от друга. Взять, к примеру, факт изобретения еще в XV в. немецким ученым и практиком И. Гуттенбергом печатного станка, позволившего оперировать подвижными литерами и необычайно ускорившего процесс опубликования технической и общественно значимой литературы. По словам К. Маркса, появление книгопечатания оказалось настоящим революционным переворотом в культурной жизни Европы, поскольку именно он обеспечил одно из самых мощных воздействий на становление и упрочение буржуазного способа производства в европейских странах: Германии, Англии, Франции и др. Разве исторический факт изобретения книгопечатания не оказал решающего влияния на всю духовную культуру европейского общества, приобретшую гуманистический характер, на преодоление многовековых церковных догматов?

Если в Средние века ученые и философы, как правило, были служителями церкви, то в эпоху ремесла и технических достижений появилась значительная прослойка так называемой «интеллигенции», занимающейся наукой, свободными профессиональными занятиями в области живописи, архитектуры, медицины и т.п. Более того, гуманисты противопоставили «светские» науки церковно-схоластической учености. Вот как характеризуется значение вышеобозначенного переворота в «Кратком очерке истории философии»: «...ранняя буржуазная культура (выделено мною. – В.Е.) по многосторонности, глубине и ценности своих достижений далеко превосходила церковно-феодалную культуру. Она включала в себя блестящие достижения в области художественной литературы,

живописи, скульптуры и архитектуры, науки и философии» [2, с. 166].

Однако данный исторический факт относится к достаточно отдаленному прошлому. Но можно сослаться и на более поздние времена, например на XX в. Еще в его начале американский изобретатель славянского происхождения Николай Тесла фактически революционизировал музыкальное искусство своим открытием акустического эффекта, свойственного электронным колебаниям. Можно утверждать, что он заложил основу для создания так называемых электронных музыкальных инструментов, которые чуть позже приобрели самые разнообразные формы и широкую популярность. Таким образом, появилась новая электронная музыка, без которой не обходится почти все музыкальное искусство нашего времени. И эти примеры можно было бы еще перечислять!

Однако настоящим апофеозом, иллюстрирующим взаимную обусловленность культуры научными достижениями, можно назвать упоминавшуюся нами работу Г.Н. Волкова «Три лика культуры». Эта книга вовсе не сопоставляет характер взаимодействия науки и каких-то отдельных сторон, элементов культурного бытия, а анализирует культуру как нечто целое, как определенное синтетически единое духовное образование, не исключающее выделения и подчеркивания материальных детерминант, но тоже эпохального значения. Следует в то же время заметить горячо полемический, эмоционально-образный тон его теоретических рассуждений, делающий данную книгу образцом художественной публицистики. Главную задачу всех форм культуры Г.Н. Волков видит в формировании высоконаучного мировоззрения, обеспечивающего всестороннее развитие личности.

В свое время великий И. Гёте, отдавая дань науке, писал:

«Природа и искусство – есть два мнения –
Стремятся к близости, друг друга избегают.

Приемлю оба, ибо я питаю

К односторонним взглядам отвращенье».

«Весь круг идей, мыслей, чувств, который, – говорит Г. Н. Волков, – составляет окружающую нас духовную атмосферу, тот стиль мышления, взгляд на мир и человека, который мы указываем, приобщаясь к интеллектуальным богатствам, – все это сформировалось, так или иначе, прямо или косвенно под воздействием гениальных мыслителей и художников прошлого» [1, с. 67]. «Каждая эпоха, – подчеркивал немецкий поэт Г. Гейне, – приобретает новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового» (цит. по: [1, с. 67]).

Значение выдающихся творцов культуры прошлого проявлялось и проявляется по-разному. «Есть создатели новых гипотез, теорий, новых художественных шедевров. И есть, как давно замечено, высшее

проявление творческого величия: создатели новых миров, так сказать, демиурги “духовных вселенных”. Таков гений Демокрита и Аристотеля, Ломоносова и Ньютона, Эйнштейна и Циолковского, Шекспира и Бетховена, Толстого и Достоевского» [1, с. 67]. Их творческая деятельность существенным образом влияла на характер общественного мировоззрения, являющегося действительным духовным стержнем того или иного общественного состояния на соответствующем уровне развития его культуры.

И коль скоро историческое сознание является одним из элементов духовной культуры общества, то вполне естественно, что оно каким-то образом приспособляется, адаптируется к условиям функционирования общества, приобретая новые свойства требуемые содержанием его культурных ценностей. Очевидно, это утверждение едва ли вызовет какие-либо возражения.

Но дело в том, что в рассматриваемом нами плане нельзя сбрасывать со счетов и обратную зависимость, показывающую факт влияния, можно даже сказать, приспособления господствующей культуры к требованиям факторов исторического сознания.

Выше мы уже показали роль и влияние некоторых исторических явлений на характер и уровень развития духовной культуры общества (книгопечатание, технические изобретения, эпохальные научные достижения и т.д. и т.п.).

Но, пожалуй, наиболее убедительно это сделал Н.Г. Чернышевский, который еще в XIX в. говорил, что культурный человек может не знать математики, биологии, физики, механики и прочего и все же быть человеком. Но не знать собственной истории он не может, поскольку без знания истории он ничто, он нуль, он бесполезное существо, не понимающее ни свое место в жизни, ни перспектив своего существования.

Информационные технологии, ворвавшиеся в современную общественную жизнь, коренным образом изменили социальную ситуацию, произошел как бы отрыв идеальной реальности от своего материального, телесного субстрата. Столь коренное отчуждение подрывает смысл существования человечества и человеческой деятельности, прежде всего потому, что потеря идентичности приводит к потере способности социальной адаптации. Возникает естественный вопрос: какое отношение к этим проблемам имеет теория исторического сознания?

По нашему мнению, социальная адаптация человека начинается через разнообразные социальные институты, а их формирование в обществе без исторического сознания фактически невозможно. Действительно, кто будет спорить, например, что человек, выросший в детском доме, менее социально адаптирован, чем тот, кто воспитывался в нормальной семье? Ясно, что семья имеет глубоко укорененные исторические традиции. Трудно не согласиться

и с тем, что ни одна экономическая реформа не будет работать в обществе, если не будут учтены хотя бы основные исторические обстоятельства. Все институты – культуры, религии и прочие – пронизаны историческим сознанием. Если рассматривать культуру как совокупность всех видов преобразовательной деятельности человека и общества, а также результатов этой деятельности, воплотившихся в материальных и духовных ценностях, то нельзя не вспомнить о достаточно банальных вещах. Ценности историчны, их набор и функции различны на разных конкретных этапах развития общества, а один из высших уровней любой такой субординированной иерархии занимают ценности общечеловеческие. Именно они помогают людям найти хоть какую-то гармонию с окружающим миром и самим собой. Выше мы уже говорили о таком сравнении, когда констатировали взаимосвязь существующих форм общественного сознания через местоположение исторического сознания в системе сознания общества.

«Его взаимосвязь с последними можно представить в виде скрепляющей, соединяющей и проникающей их нити, подобно той, которая, проникая, соединяет между собой в единое целое и прекрасное жемчужное ожерелье» [3, с. 66].

К великому сожалению, мы слишком увязли в мировых глобальных проблемах, и прежде всего экономических, что не могло не привести к смещению ценностных ориентиров всех социальных институтов. В первую очередь это касается социальных институтов власти. Идея правового государства имеет первостепенное значение для положения личности в обществе. Только правовое государство обеспечивает широкий простор для общественной и индивидуальной самодеятельности на основе закрепленных в законе свобод личности, а также ее неприкосновенности, включая презумпцию невиновности. Но возможно ли это в реальности, если в обществе наблюдается всеобщая правовая неграмотность? Современный российский гражданин совершенно не адаптирован в правовом поле. Может быть, поэтому обыкновенные конфликты между соседями перерастают в бандитские разборки? На наш взгляд, действительная причина лежит глубоко в истории социального института власти в России. Известно, что до XX в. законы России фактически не работали. В основном простой народ жил по неписанным правилам и установкам, поэтому весьма нередким явлением был самосуд. Но и сейчас доверия к власти не слишком прибавилось. Правовое государство является сильным не благодаря бессилию своих граждан перед произволом политической власти, а благодаря тому, что оно защищает и охраняет интересы общества и личности от посягательства на их законные права. Без доверия к институту власти не может быть и речи о социальной адаптации личности как одного из важнейших условий самодеятельности, изобретательности и предпри-

имчивости человека, его свободы. Социальная свобода личности является показателем и выражает характер, состояние и качество общественных отношений, функционирующих социальных структур. Для подтверждения социально-адаптационной роли исторического сознания можно обратиться к общественному здравоохранению. Совершенно очевидно, что медицина, история медицины существуют не столько в идеальном умозрении, сколько в совокупности творящих феноменов. Наряду с собственной имманентной сущностью, она является также функцией от социальных, национальных и исторических условий, господствующего духа и всей совокупности воззрений эпохи. Обратимся в силу этого к истории вопроса. А.Л. Недолян, в частности, пишет: «...одной из особенностей России, начиная с XIX в., была именно чрезвычайно выраженная социальная рефлексия на медицинскую тему, медицина выделялась обществом как важнейшая сфера социальной деятельности, фигура врача и этико-социальные аспекты медицинской профессии стали, можно сказать, без преувеличения, центральными – наряду с фигурами военного и революционера, бунтаря – персонажами русской общественно-культурной мысли» [4, с. 107]. Общественное здравоохранение достигает особой степени возвышения во второй половине XIX в. Но далее, с начала XX в., возникает кризис за кризисом. Здравоохранение становится вспомогательной сферой общественной жизни, скатившись в наше время к одной из многочисленных и третьестепенных сфер услуг. Фактически здравоохранение никогда ранее не падало так низко, и трудиться в этой сфере становится зазорным и уж, конечно, непрестижным делом.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что необходимо искать в истории здоровые «ветки», надо «питаться» здоровыми токами общественной истории и стараться не повторять пройденных ошибок.

Лишение людей исторической памяти – уже испытанный прием всех авторитарных и тоталитарных режимов. Старинная киргизская легенда, реанимированная в произведении Ч. Айтматова «И дольше века длится день», повествовала о людях, еще в детстве попавших в плен к жестоким завоевателям, которым на голову надевали обруч из сыромятной кожи, который по мере высыхания все более и более стягивался и, мешая развитию мозга, приводил, таким образом, к потере памяти. Такой ребенок превращался в манкурта – человека, совершенно лишенного памяти. Манкурты становились физическими и духовными рабами своих повелителей.

Сегодня эти методы лишения людей памяти неизмеримо усовершенствовались. На место сыромятных ремней и обручей пришли генераторы мельчайших частиц, которые стирают историческую память на территории, равной примерно Красноярскому краю. Конечно, это удобно для армии, где автоматически снимается вопрос о национальной принадлежности, но остается всегда готовый ответ: «Есть!».

«Забвение истории не просто заблуждение, не просто ошибка, – говорит Л.А. Гревцова, – она может превратиться в определенных условиях в мощный фактор деформации и разрушения общественного сознания» [5, с. 11], а значит, и всей духовной культуры общества.

Библиографический список

1. Волков Г.Н. Три лика культуры. – М., 1986.
2. Краткий очерк истории философии. – М., 1981.
3. Ельчанинов В.А. Теория исторического сознания (феноменологический подход). – Барнаул, 2007.
4. Недолян А.Л. Социальная роль медицины в России (русский взгляд на медицину) // Антропологические основания биоэтики. – Томск, 2006.
5. Гревцова Л.А. Историческое сознание и функция социальной адаптации // Философские дескрипты. – Вып. 9. – Барнаул, 2009.